

А.Х. Горфункель

Чему можно было научиться на Истфаке ЛГУ в 1945 – 1950 годы

В 1945 году занятия в Ленинградском университете начинались 17 сентября.

Учебный год открывали четыре лекции. Профессор и декан Исторического факультета Владимир Васильевич Мавродин читал курс истории Древней Руси ярко и эмоционально. Запомнилось его утверждение, что определявший эту историю народ не исчезал на протяжении столетий. В эти годы вышли в свет две его монографии, отражавшие содержание его первых лекций¹. Я помню, как появление на кафедре В.В. Мавродина и его лекции часто встречались и сопровождались аплодисментами.

Далее шла лекция профессора Михаила Илларионовича Артамонова, заведующего археологическим отделением. Говорил он строго, сурово, пренебрегал риторическими красотами, но слушать себя заставлял с первой минуты. За прошедшие 60 лет я мало что запомнил из содержания его курса по истории первобытного общества. Но образ ученого остался в памяти навсегда, с его аристократической внешностью (позднее я узнал, что родом он был из крестьян Тверской губернии). Суть была не в «деланности», а в природной сущности человека: много лет спустя я встречался с исполненными достоинства крестьянами (чаще – с женщинами) во время археографических экспедиций в старообрядческих деревнях Русского севера (представить их можно по картине художника Виктора Попкова «Мезенские вдовы»). Главное же впечатление от М.И. Артамонова у меня сохранилось от событий более поздних. После окончания университетского курса, осенью 1950 г. мне пришлось побывать на заседании Ученого совета Исторического факультета. Перед этим в газете «Правда» была напечатана обличительная статья, подписанная Ивановым (возможно, это был псевдоним), где подвергались разгрому результаты многолетних раскопок ученого в местах расположения хазар. Вслед за идеологическими кампаниями 1949 г. автор обвинял Михаила Илларионовича в преклонении перед хазарской культурой. Не помню, упоминалась ли в этой статье приверженность верхушки хазарского общества иудаизму; во всяком случае это обстоятельство учитывалось читателями 1950 г. Вместо обычного самобичевания профессор представил Ученому совету доклад о результатах последних раскопок, с показом фотографий на экране. Покаянного тона не было и в помине, а когда кто-то из присутствующих задал вопрос: дескать, в статье «тов. Иванова» содержались утверждения, на которые докладчик не дал ответа, Михаил Илларионович заметил, что статья «тов. Иванова» – не Священное Писание... В обстановке конца 1950 года такое пренебрежительное высказывание о критическом выступлении Центрального Органа ЦК КПСС было далеко не безопасным.

Лекции по истории Древней Греции читал профессор Соломон Яковлевич Лурье. Пожалуй, его курс оказался слишком серьезным для тогдашних студентов. Вскоре мы ознакомились с первым томом его истории Древней Греции; это было чтение нелегкое, требующее особого внимания, и рассчитано оно было на гораздо более высокий уровень, нежели обычные университетские коллективные учебники (про себя мы называли их тогда «кирпичами»). В 1949 году, в разгар кампании по борьбе с космополитизмом, второй том этого учебника был подготовлен к печати, но особо ревностные сотрудники Кафедры Истории Древнего мира не поленились пойти в университетское издательство, и набор учебника был рассыпан. Оба тома были опубликованы много позднее². В конференции по искоренению космополитизма в лектории Исторического факультета С.Я. Лурье не участвовал, хотя имя его и его труды там неоднократно упоминались. «Проработка» его сочинений проходила на собрании в Ленинградском отделении Института Истории. Я на нем

1 Мавродин В.В. Образование древнерусского государства. Л., 1945; Он же. Древняя Русь. Л., 1946.

2 Лурье С.Я. История Греции. СПб., 1993.

оказался случайно: в то время я изучал рукопись из коллекции Н.П. Лихачева, а институт занимал, помимо библиотеки и архива, не более двух-трех комнат в здании Библиотеки Академии наук. Выступлений гонителей я не запомнил (кроме того, что, дескать, уважаемый профессор нашел время для защиты трех докторских диссертаций – исторических, филологических и математических наук – но так и не ознакомился с трудами основоположников марксизма-ленинизма), зато врезался в память его достойный и аргументированный ответ. Вскоре С.Я. Лурье был уволен из Института истории и из Ленинградского университета и последние годы преподавал во Львове.

Историю Древнего Востока читал академик Василий Васильевич Струве. Его лекции, как помнится, были избавлены в то время от идеологических привязок к современности. Через несколько лет, работая в архиве, я наткнулся в личном деле В.В. Струве на его прошение к Государю: с началом русско-германской войны он решил изменить свое имя – Вильгельма Вильгельмовича на Василия Васильевича. Он происходил из давно обрусевшей немецкой семьи, оставившей глубокий след в русской научной и общественной мысли, и по своей культуре, если и не по вероисповеданию, ощущал себя глубоко русским человеком. Полагаю, что и в этом случае В.В. Струве исходил не из одних конъюнктурных соображений. О его снисходительном отношении к студентам ходили легенды, на грани знаменитого анекдота: В.В. Струве спрашивает студентку: «Между кем и кем происходили греко-персидские войны?». Та мнется, профессор подсказывает: «Ну, голубушка, вы же помните: между гре... - правильно, между греками и... вспомните: и пер... - ну да, и персами, вот и отлично!» Но это анекдот, хотя и близкий к действительности. Были дела и посерьезнее: академик В.В. Струве на все той же антикосмополитической конференции объяснял, что он учился марксистско-ленинской методологии у своих учеников, и закончил этот пассаж знаменитым изречением: «Вот так, хочешь-не-хочешь, а становишься марксистом-ленинистом», что вызвало оживление студенческой аудитории и гнев устроителей собрания. В середине 1950-х гг., работая в Педагогическом институте в Петрозаводске, я познакомился с деканом историко-филологического факультета и заведующим кафедрой русского языка Никитой Александровичем Мещерским и был поражен списком его научных трудов: до своего ареста он опубликовал в энциклопедическом словаре «Гранат» статьи по египетской истории и, будучи учеником В.В. Струве, принимал участие в подготовке к печати знаменитого «Математического папируса».

Позднее я слушал артистические лекции профессора Семена Бенционовича Окуня (старшекурсники спрашивали нас, дошел ли профессор до убийства Павла I – это был коронный номер его программы, растянувшийся на несколько часов). Лекции профессора Александра Васильевича Предтеченского мы ходили слушать на Филологический факультет – там он читал русскую историю XIX в. Осип Львович Вайнштейн читал первую часть курса истории Средних веков – жестковато, но точно, с глубоким марксистским уклоном и с опорой на немецкую историческую школу. Когда я побывал у него дома, я увидел стеллажи, заставленные томами Бецоляда, Лампрехта, Эйкена и других исследователей экономической и духовной жизни Средневековья. Вторую часть истории Средних веков – от Возрождения до начала Нового времени – читал М.А. Гуковский, с несомненной, подходящей предмету, эмоциональностью. В эти годы я прочитал только что вышедшие в свет его книги «Итальянское Возрождение» (первый том) и «Механику Леонардо да Винчи» (ее помог издать Президент Академии Наук С.И. Вавилов, близкий друг Матвея Александровича, глубоко интересовавшийся феноменом Леонардо).

Мы рано стали посещать лекции на Искусствоведческом отделении факультета. На всю жизнь запомнился курс лекций Николая Николаевича Пунина по истории европейского Возрождения. Особое впечатление произвела его лекция об одной картине Боттичелли – «Изгнанная». Показав на экране диапозитив, он попросил студентов отнести это произведение к какому-то периоду в истории искусства; слушатели единодушно заговорили о XIX веке. Воздействие Н.Н. Пунина продолжалось и после его ареста и гибели в лагере (ему приписывали высказывание о том, что «Мы пережили блокаду, переживем и социалистический реализм»). У нас в руках оказался изданный под его редакцией курс истории европейского искусства (почему-то он не был изъят из библиотек и продавался у букинистов)³. Многих достойных лекторов я тут не упоминаю – они работали на других кафедрах и близкого соприкосновения с ними я не имел.

³ История западно-европейского искусства (III – XX вв.): краткий курс / Под ред. Н.Н. Пунина. Л., М.: Искусство, 1940.

Сигизмунда Натановича Валка (почему-то он казался нам похожим на фотографии Эмиля Золя) старшекурсники называли ходячей энциклопедией. Я помню, как мой друг Воля Райцес, готовивший доклад в семинаре о влиянии на декабристов революционного движения в Испании, поймав в коридоре С.Н. Валка, обратился к нему с вопросом о литературе. Профессор фыркнул, ощетинился, сказал, что это совершенно не его специальность, и не сходя с места продиктовал библиографию в двадцать с лишним названий.

Наездами читал лекции Е.В. Тарле – помню начало его спецкурса о внешней политике Екатерины Второй: «Все, что мы защищали в только что закончившейся войне было приобретено Россией в царствование Екатерины Великой». На его лекции в лекторий Истфака приходили студенты других факультетов, в том числе физики и математики. Одновременно он выступал с лекциями о международном положении в переполненном Актовом зале главного здания, кто посмелее, забирался в помещение с балкона через окна, остальные слушали его по радио в заполненном Большом коридоре Двенадцати Коллегий.

Сильно разреженная идеологическими чистками 20-х – 30-х и послевоенных 40-х гг. академическая среда на Историческом факультете не могла не включать невежественных и безграмотных, а часто и просто скучных лекторов. Помню, как моя матушка, учительница, с удивлением узнала, что две ее бывших сослуживицы, чья преподавательская деятельность в средней школе была мало заметна, оказались кандидатами наук и доцентами университета. Все они не заслуживают упоминания. Их лекции мы постоянно «мотали», проводя время в коридорах Истфака или на внутреннем балконе, окружавшем двор, позднее - в библиотеках. В крайнем случае, когда по одному из предметов (истории Советского периода) не было никаких учебников, мы с двумя моими друзьями посещали лекции по очереди, и таким образом составляли единый конспект.

И все же наша школа начиналась не с лекций, как бы ни были они полезны и интересны. Вероятно, какие-то из прослушанных курсов отразились в моей (впрочем, не продолжительной) практике, когда я работал в Петрозаводске, а потом в Ленинграде читал курсы и вел семинары в бытность М.А. Гуковского заведующим кафедрой (1960-е гг.), до моего изгнания с Истфака в 1969 г., и в тех немногих случаях, когда меня приглашали читать в Новосибирский, Уральский и Ивановский университеты, а много лет спустя выступал с лекциями и докладами в итальянских университетах Болоньи, Падуи, Пизы, Удине и Триеста.

Подлинная школа возникла в семинарских занятиях, начавшихся на первом курсе. Семинаром по античной истории в нашей довольно большой группе (еще не разбитой по специальностям), более 20 человек, руководил Дмитрий Павлович Каллистов. Это был начальный опыт работы с историческим источником – мы читали «Афинскую политику» Аристотеля, кажется, и изданную специально для такого рода занятий. В СССР древние языки были исключены из школьной программы; работали мы, разумеется, только с русским переводом (года через два к нам присоединился И.Ф. Фихман, перед войной он закончил курс классической гимназии в Кишиневе и знал латынь и греческий). Остальные начинали изучать латинский и греческий язык при специализации по истории Древнего мира, Средних веков, Византии и Древней Руси.

Недавних школьников, непривычных к существованию различных точек зрения на предмет, блистательный преподаватель, остроумный и живой, Д.П. Каллистов сумел расшевелить, он давал нам понять, что в работе с историческими источниками следует добывать истину, оспаривать другую точку зрения, обосновывать свои мнения на основе дошедшего до нас текста, спорить, подтверждать свои выводы. Возбудить эту косную массу было нелегко, но на протяжении нескольких месяцев первого курса руководителю семинара это явно удалось. Особенно мне запомнился эпизод с истолкованием «Килоновой смуты» (было ли это событие лишь проявлением честолюбивых замыслов его участников или в нем обнаруживались более глубокие социальные корни). Группа наша разделилась надвое, споры не умолкали на протяжении нескольких недель и переходили за пределы аудитории, студенты привлекали иные источники (из книг для чтения и хрестоматий). Кто был прав в этом споре – не знаю и не помню, да и не в этом было дело: в первом своем семинаре мы учились работать с историческим текстом.

Еще значительнее был семинар по русской истории профессора Бориса Александровича Романова. Нам было предложено изучать «Правду Русскую», по ее учебному изданию, вышедшему

при участии нашего руководителя⁴. Студенты и здесь оказались мало подготовлены к такого рода занятиям: изучение древнерусского языка начиналось на втором курсе, со времени специализации по истории древней Руси. У выпускников советских школ не было даже минимальных сведений, которыми обладали православные учащиеся, прошедшие курс классических гимназий: у тех были хотя бы на слуху усвоенные из домашнего воспитания, из уроков Закона Божия и из посещения церковной службы элементарные представления о церковно-славянском языке.

Но задача, которую ставил перед собой и перед студентами Б.А. Романов, была не подготовка историков Древней Руси (хотя иные из его тогдашних учеников под несомненным влиянием его занятий впоследствии избрали себе именно эту специальность) – а обучение будущих историков на материале древнего памятника.

Б.А. Романов буквально заставлял всех студентов принимать участие в обсуждении разных мнений и докладов; отмолчаться не удавалось никому. («Не можете высказаться по существу, говорите о стиле, о манере изложения»). Так у самых косноязычных формировались навыки к связной речи, к обоснованному суждению с опорой на источник, способности к анализу текста. К сожалению, я не запомнил собственных выступлений на семинаре – очевидно, они того и не заслужили. Зато сохранилось ощущение напряженной работы. В середине учебного года в нашей группе появился только что демобилизованный из армии Борис Иванович Дубенцов, всем своим видом напоминая студента из картины передвижника В.Е. Маковского. Вскоре он выступил на семинаре с докладом о 17-й статье «Правды Русской». Б.А. Романов заинтересовался способным студентом и рекомендовал его в члены Студенческого Научного общества (тогда для этого требовалась поддержка научного руководителя). Это событие явилось как бы наградой для всех участников занятий.

Наши семинары были в это время учебным продолжением большой работы Б.А. Романова над II томом академического издания «Правды Русской» – там приводились суждения всех исследователей памятника. Вопреки ограничениям тех, кто планировал это издание, ему удалось включить туда и собственные наблюдения о главнейших положениях правового источника Древней Руси⁵.

Одновременно в издательстве Ленинградского университета шла работа над изданием исследования Б.А. Романова – «Люди и нравы древней Руси», которое сам он считал главным делом своей жизни. Отзвуки идей этого его труда неизбежно отражались в занятиях семинара⁶. Книга вышла в свет в конце 1947 г. Мы уже выбрали свою будущую специальность, но наши прежние занятия в какой-то мере подготовили нас к ее пониманию и восприятию. Тогда мы не могли знать о ее сложном пути к читателю⁷. Появление монографии Б.А. Романова было ошеломительным. От неё веяло – не скажу даже свободой, скорее – вольностью, неслыханной в тогдашней исторической литературе. Она вырывалась из всех принятых в то время канонов и ограничений, поставленных на путях научной мысли. В ней не было ссылок на обязательный в те годы сталинский катехизис («Краткий курс истории ВКП(б)'), и оказалось лишь одно упоминание «классиков марксизма-ленинизма» (цитата из книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи...», использованная как пример непонимания летописцем «брака умыканием» и «брака-купли» в качестве симптома возникновения парного брака).

Воспитанные во вполне советском духе, мы даже не замечали этого обстоятельства, мы были просто вовлечены в неожиданный круг размышлений автора и открывшуюся перед нами глубину проблем древнерусской истории. Можно было бы отнести это за счет великолепного языка и стиля книги, однако они были далеки от легкого и популярного изложения: это чтение требовало напряженной и неустанной работы мысли; мне, во всяком случае, многие разделы приходилось перечитывать и продумывать не один раз.

4 Правда Русская / Отв. ред. Б.Д. Греков. М.; Л.: АН СССР, 1940. Комментарии и важнейшая часть справочного аппарата были написаны Б.А. Романовым.

5 Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л.: АН СССР, 1947. Т. II.

6 Романов Б.А. Люди и нравы древней Руси: Историко-бытовые очерки XI – XIII вв. Л.: ЛГУ, 1947. Второе издание с предисловием Н.Е. Носова. М.; Л.: Наука, 1966. Перепечатка в сб. «От Корсуня до Калки». М.: Молодая Гвардия, 1990.

7 Пансях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб.: Дм. Буланин, 2000. С. 213-226. Написанная после лагеря и в эвакуации, при отсутствии необходимых справочников и пособий, книга Б.А. Романова была подготовлена к печати еще в 1946 г., но ее появлению в свет препятствовало сопротивление академических кругов. Ни одна из одобрительных рецензий, посланных в журналы, так и не была опубликована.

Неожиданной оказалась точка зрения Б.А. Романова на социальные, экономические и личные конфликты, рассмотренные в книге. Используя летописные и юридические свидетельства, «Патерик Печерский», «Поучения исповедающемуся», «Церковный устав», «Палею толковую», проповеди, «правила», «вопросники», «заповеди» церковных иерархов и иные документы эпохи, автор обозревал их как бы с высоты «птичьего полета», опираясь на сложный и представляющий немало проблем для исследователя литературный текст «Слова» и «Послания» Даниила Заточника. Непосредственно к текстам, надписанным именем Даниила Заточника, Б.А. Романов обращается во введении «От автора» и в первой и последней главах исследования, однако, независимо от того, приводится ли в других местах имя автора или персонажа «Слова» и «Послания», он постоянно присутствует на страницах книги. Ученый использует образ сочинителя и читателя «Слова» как «непредусмотренной никакими юридическими стандартами разновидность жертвы или субъекта процесса классового образования <...> Само же содержание «Слова» Д. Заточника служит мне и еще одной призмой, через которую преломилось немало кусков и закоулков русской жизни XII – XIII вв.» (с.10-11; все ссылки приводятся по первому изданию книги).

«Жертва» и «субъект» процесса классового образования – таких понятий вообще не было в научной литературе о Киевской Руси. Этот прямой интерес к живому человеку явился неслыханным новшеством, привнесенным автором в книгу «Люди и нравы древней Руси». «Именно этот житейский и автобиографический характер «Слова» должен был стяжать ему читательскую популярность» (с.18). В результате «получилось у него [Даниила Заточника – А.Г.] на небольшом полотне нечто вроде панорамы общественной жизни и быта эпохи» (с. 45).

Резкая критика обрушилась на Б.А. Романова в конце 1940-х гг. в печати и в «общественных» обсуждениях-осуждениях его книги. Обличители ставили ему в вину, что он не показал людей древней Руси, как строителей государственности и как создателей высоких образцов культуры. Они «как бы» не замечали подзаголовка книги: «Историко-бытовые очерки XII– XIII вв.» Автора интересовали «следы бытовых черт, житейских положений и эпизодов из жизни русских людей <...>, с тем, чтобы дать живое и конкретное представление о процессе классового образования в древнерусском феодальном обществе, сделав предметом наблюдения многообразные отражения этого процесса в будничной жизни этих людей» (с. 5). Речь ведь шла о том, как вели себя люди Киевской Руси в социальных, политических и бытовых столкновениях своей эпохи. Именно об этом повествовали те летописные, юридические, церковные свидетельства, которые в изобилии привел на страницах книги Б.А. Романов. Они подтверждали «мизантропический» взгляд на современную жизнь, как был он выражен в сочинениях Даниила Заточника: «Эти сопоставления наводят на мысль, что передатчиками и источником тревоги в феодальных верхах могли быть именно заточники, - недораздавленные жертвы обвалов, увлекавших за собой всяческих мелких свободных «мужей» и «людей», а за их спиной стояла церковь» (с. 286).

Выявление роли церкви в формировании новых общественных отношений – конкретной «работы» церкви по строительству феодального общества и внедрению ее в самую ткань (слой за слоем) этого общества через личную, семейную жизнь прихожан, - работы, которая единственно и может конкретно объяснить подлинное значение церкви, какое она приобретала на целые века существования русского общества и государства» (с. 12) – одна из важнейших заслуг Б.А. Романова. При этом в своем исследовании он оказался равно свободен и от антиклерикальных настроений тогдашнего советского общества и от идеализации и упрощения роли церкви⁸.

Книга Б.А. Романова была неоднократно предметом официальных обсуждений, а много позднее и серьезных доброжелательных откликов. Я не пишу рецензию, но лишь пытаюсь вспомнить свои тогдашние впечатления. К примеру, не зная всех обстоятельств споров вокруг истории Киевской Руси, я воспринял историографический обзор во введении «От автора» как естественный в данном случае очерк сделанного предшественниками, и не заметил, что автор «прибег к ставшему

⁸ Много позднее я узнал, что в академических и партийных кругах бытовало странное представление о том, что «Люди и нравы» Б.А. Романова - чуть ли не новый «Декамерон» и вообще едва ли не порнографическое сочинение - причиной тому явились достаточно откровенные разделы о жизни духовенства и прихожан. Очевидно, в их глазах сильнее кошки зверя не было, и Боккаччо казался воплощением всяческой непристойности (см. Панеях В.М. Творчество и судьба историка... С. 213, 262). Признаюсь, что я ознакомился с книгой в достаточно молодом возрасте (19 лет), чувствительном к подобным предметам, но не обнаружил там ничего, что могло бы вызвать подобную реакцию; возможно, к этому времени я уже был достаточно развращен чтением итальянских новеллистов эпохи Возрождения и сказок «Тысячи и одной ночи».

обычным для него приему» полемики⁹ - тем более что и прямой спор со взглядами А.С. Орлова, Б.Д. Грекова и С.В. Юшкова (сс. 100, 139-140,166) нашел свое место в книге.

Еще до выхода в свет книги «Люди и нравы древней Руси» Б.А. Романов был удостоен университетской премии за научно-исследовательскую работу – благодаря активной поддержке В.В. Мавродина и ректора А.А. Вознесенского. Но это никак не помешало враждебным выступлениям его противников.

Между тем состоялось празднование 60-летнего юбилея Бориса Александровича Романова – 26 января 1949 г., через четыре недели после опубликования в «Правде» редакционной статьи «Об одной группе антипатриотических театральные критиков», положившей начало очередной волне гонений на интеллигенцию – я подчеркиваю: на интеллигенцию в целом, несмотря на очевидный антисемитизм борьбы с «безродным космополитизмом»¹⁰.

В большой аудитории Исторического факультета собралось великое множество народа, пришедшего поздравить юбиляра. Я помню, что мы с трудом нашли себе место на стоявших в конце помещения столах. Было не очень удобно, зато мы видели и слышали всех выступавших. Я не запомнил весь ход заседания. От имени ректората Бориса Александровича приветствовал М.И. Артамонов. Юбиляра поздравил С.Н. Валк, принесший ему в дар картину из своего собрания русской живописи. Большое впечатление произвел доклад о научных достижениях Б.А. Романова, с которым выступил Д.С.Лихачев. Его речь была откровенно полемической, важное место в ней занимала защита книги «Люди и нравы древней Руси». Я в первый раз слушал Дмитрия Сергеевича (на предыдущих его выступлениях при обсуждении книги я не был), и запомнил его отповедь тем, кто обвинял автора книги в недостатке патриотизма. Он говорил о том, что в историческом повествовании долг историка придерживаться правды.

Но главным было ответное выступление Бориса Александровича. Мы слушали его не шелохнувшись. Он обращался к собравшимся, прежде всего к студентам, и говорил о своей судьбе историка. Он не мог прямо и откровенно сказать о репрессиях, которым подвергался, но все было и без того ясно. Речь шла о том, что он долгие годы ощущал себя гвоздем, наглухо забитым в стену в заброшенной квартире, с которым новый хозяин еще не решил, что делать, пока известная речь Сталина (имя его никак не упоминалось, но у всех было на слуху и на памяти выступление, в котором он сравнил людей, готовивших победу в войне, с винтиками государственной машины) не позволила ему определить свое место в обществе. Обратившись к почтившим его юбилей в конце своей речи, он выразил удовлетворение, что принес пользу отечественной науке хотя бы в качестве «винтика» и заявил, что, судя по поздравительным телеграммам от своих учеников, он прожил жизнь не напрасно. Я не думаю, что Б.А. Романов в данном случае употребил этот образ «винтика» в качестве оскорбительного для себя и других¹¹.

В это время в Комитете по Сталинским премиям ему была присуждена премия за книгу «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», о чем самому Б.А. Романову и его коллегам сообщали Е.В. Тарле и Б.Д. Греков¹².

Я не принадлежал к кругу учеников Б.А. Романова (это были - по древнерусской истории – Н.Е. Носов и В.М. Панеях, по истории Нового времени – Р.Ш. Ганелин, А.А. Фурсенко и Б.В. Афанасьев), но на протяжении всей жизни в моей памяти живет образ этого благородного человека, сохранившего дух и обличье русского интеллигента прошлых времен (кому-то из нас он напоминал

9 Панеях В.М. Творчество и судьба историка. С. 217.

10 Еще тогда, в университетские годы, я заметил, что моим учителям был органически чужд антисемитизм, насаждаемый партийной идеологией. Как и многое другое в советской действительности, он вызывал у них отвращение, несмотря на то, что они прекрасно знали, какую роль играли выходцы из еврейской среды в партийном и чекистском аппарате после Октябрьской революции. В те времена мой друг Владимир Райцес пустил mot : «Раньше можно было креститься, теперь остается только отрешиваться!» А сын С.Я. Лурье Яков Соломонович, историк древней Руси, работавший в Педагогическом институте и вскоре изгнанный оттуда, говорил: «Все космополиты безродные, а я – родовитый!»

11 Панеях В.М. Творчество и судьба историка. С. 271-272: «Это упоминание о «винтиках», о которых в одном из своих выступлений оскорбительно говорил Сталин применительно к простым рядовым людям, вынесшим на своих плечах тяготы войны, было столь вызывающе прозрачным, что присутствовавшие на чествовании встретили эти слова Б.А. Романова в мертвой тишине». [«Мертвая тишина» стояла в аудитории на протяжении всего юбилея – А.Г.]

12 Правда, сразу же после юбилея партком Исторического факультета обратился в Комитет по Сталинским премиям с просьбой отменить только что принятое решение, что и было исполнено. См.: Панеях В.М. Творчество и судьба историка. С. 272-273.

внешностью А.П. Чехова, вероятно, из-за бородки и пенсне). На протяжении многих лет я следил за его работами по древнерусской истории, постоянно интересовался его судьбой. Помню, какое удручающее впечатление произвела на нас история с его увольнением из университета: профессор узнал об этом лишь когда обратился в окошко кассы за причитающейся ему зарплатой и не оказался в списках. Мы не были с ним знакомы, но он выступал на предварительном обсуждении моей кандидатской диссертации в Ленинградском отделении Института истории зимой 1956 г. После кончины Бориса Александровича его ученики предложили мне содействовать покупке его книжного собрания в научную библиотеку Ленинградского университета, где я тогда работал. Я рад, что это приобретение состоялось; это был комплект издания Полного собрания русских летописей, превосходная подборка книг по русской истории. В частности, в Отдел редких книг и рукописей поступил экземпляр «Уложения» царя Алексея Михайловича 1649 г.¹³

На втором курсе студенты разделились по будущим специальностям. В нашей группе оказались те, кто выбрал историю Древнего мира, Средних веков и Византии. Помимо общих курсов истории Средних веков мы на протяжении четырех лет университетской жизни слушали курсы и занимались в семинарах при кафедре.

Одним из первых запомнившихся мне лекционных курсов была история ранней средневековой культуры, ее читал Борис Яковлевич Рамм, ученик Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской. При нашей кафедре он работал как совместитель, основным местом его службы был Педагогический институт им. Покровского. Позднее мне приходилось слышать от одного из моих будущих учеников отрицательный отзыв о статьях Б.Я. Рамма по истории средневековой культуры. Они несли на себе отпечаток того времени, как и его работа о взаимоотношениях папства и Руси¹⁴. Но спецкурс, вместе с рекомендованной научной литературой, знакомил нас с совершенно новой областью знаний. Во время антикосмополитической кампании Б.Я. Рамм был принужден оставить преподавание в университете и в Педагогическом институте (ходили слухи, что в студенческие годы он состоял в партии эсеров). Какое-то время он работал в провинциальных техникумах, потом нашел себе пристанище в Музее истории религии (еще до того, как к его названию было прибавлено: «и атеизма»). Запись курса сохранилась у меня, и много лет спустя, во время его очень скромно обставленного 75-летнего юбилея в кабинете директора Музея в 1977 г., я принес ему этот конспект, который он возвратил мне с доброй надписью.

Поступая на Исторический факультет я предполагал заняться событиями Крестьянской войны в Германии, восстанием «Башмака» или Мюнстерской коммуной, о них я кое-что знал из переведенной на русский язык монографии В. Циммермана, из исторических романов. Но одновременно меня заинтересовала и эпоха Итальянского Возрождения. Причиной тому была и Эрмитажная экспозиция, и книги А.К. Дживилегова, Стендаля и Ромена Роллана об итальянских художниках, и, конечно, рано попавшая мне в руки книга П.П. Муратова «Образы Италии». Немалую роль сыграл и выбор будущего научного руководителя. При всем моем почтении к Осипу Львовичу Вайнштейну (а он был единственным специалистом по истории средневековой Германии на нашей кафедре) я не почувствовал в нем будущего учителя.

Первые же лекции курса, который начал читать Матвей Александрович Гуковский осенью 1947 г., «Медичейская Флоренция: 1434 – 1494 гг.», вводили в проблемы итальянской истории эпохи Возрождения. В них сплелись и социально-экономические проблемы эпохи, и одновременно политический расклад сил на Апеннинском полуострове, и расцвет культуры. Следующий курс («Папский Рим и итальянские походы, 1492 – 1530 гг.», читанный осенью 1948 г.) касался проблем политической, военной и дипломатической истории. Лекции М.А. Гуковского привлекали яркостью и свободой, независимостью от принятых норм и канонов. Это сказывалось и в его поведении: будучи небольшого роста, он никогда не страдал от этого; напротив, привлекал к себе своей жизнерадостностью и деятельным отношением к жизни.

Три курса, читанные в течение учебного года на третьем, четвертом и пятом курсах Александрой Дмитриевной Люблинской оказали особое влияние на меня, как на будущего историка. Это были курсы «История сословного представительства во Франции» (1947 – 1948 гг.), «Аграрная история Франции с раннего Средневековья до конца XVIII в.» (1948 – 1949 гг.) и «Франция в XVI в.» (1949 – 1950 гг.).

13 Каталог книг кирилловской печати XVI – XVII вв. / Сост. А.Х. Горфункель. Л.: ЛГУ, 1970. С. 41-42.

14 Рамм Б.Я. Папство и Русь в X – XV вв. Л.: АН СССР, 1959.

Особенно значительным оказалось ознакомление с французской аграрной историей. К четвертому курсу мы подошли достаточно подготовленными, мы читали работы Фюстель де Куланжа, Марка Блока и специальные работы французских историков, в том числе о воздействии революции цен на развитие экономических отношений. В дальнейшем этот курс помог мне при выборе темы моего дипломного сочинения, а потом и кандидатской диссертации. Порой он превращался в семинар (когда мы изучали комментарии к памятнику французского обычного права XIII в. "Coutumes de Beauvaisis" Филиппа де Бомануара) и обсуждали спорные проблемы аграрной истории.

Не менее важным были объявленные А.Д. Люблинской курсы и семинары, посвященные вспомогательным историческим дисциплинам. Вероятно, самым главным (по крайней мере для меня и моего друга В.И. Райцеса) был курс средневековой палеографии¹⁵. Мы много и с увлечением занимались чтением специальных таблиц, разбирались в особенностях письма. В нашем распоряжении была работа О.А. Добиаш-Рождественской; новый учебник А.Д. Люблинской вышел много позднее¹⁶. Не став специалистами-палеографами, как другие ее московские и ленинградские ученики, мы в работе с документами XV – XVI вв. постарались использовать этот опыт.

Шли занятия по дипломатике, изучающей исторические документы, по сфрагистике, исследующей печати, по исторической хронологии. Курс источниковедения сопровождался экскурсией в Отдел Рукописей ГПБ. Мы предвкушали возможность обращения к неопубликованным источникам. В библиотеке проходили и практические занятия по исторической библиографии, мы заранее знали, где и как искать необходимые материалы в специальных словарях, в биографических пособиях, в серийных изданиях и в публикациях архивов. Впрочем, и сравнительно небольшое книжное собрание нашей кафедры включало ценные издания, в нем, в частности, хранилась библиотека О.А. Добиаш-Рождественской, ее портрет на книжном шкафу был знаком всем будущим медиевистам, как и портрет Ивана Михайловича Гревса, написанный за год до его смерти. Мы не застали их при жизни, но многие из наших преподавателей были их учениками и в наших учебных занятиях постоянно возникали их имена. Портреты выдающихся историков-медиевистов Гизо, Тьерри, Фюстель де Куланжа украшали стены кафедры.

Ученица И.М. Гревса и Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской, А.Д. Люблинская непосредственно связывала нас с традициями петербургской медиевистики и задавала тон в нашей профессиональной подготовке.

Библиографические знания, приобретенные в курсах и семинарах оказались впоследствии очень полезны. Я помню, как А.Д. Люблинская рассказывала нам об одном своем московском коллеге. Он составил почти полный свод публикаций, связанных с Фрондой (знаменитых «мазаринад»). В действительности эти усилия были излишни: подобная работа была давно издана во Франции. Несколько лет спустя я узнал от одного своего старшего коллеги, что он составлял указатель статей, напечатанных в первой серии итальянского исторического журнала, между тем как эта библиография уже была опубликована.

Образ наших учителей постоянно сопровождал нас во время первых шагов в библиотеках. Я помню, как явившись в Отдел редких книг ГПБ для необходимых справок в изданиях XVII – XVIII вв. я услышал от работавшего там Л.С. Гордона (через год он был уволен и арестован): «Я надеюсь, ученику Александры Дмитриевны нет нужды говорить, как следует обращаться с редкими изданиями».

На наших глазах происходило знаменитое выступление А.Д. Люблинской, посвященное только что появившейся книге Б.Ф. Поршнева о народных движениях во Франции¹⁷. Она показала полную несостоятельность историка, как в выдвинутых им концепциях, так и в совершенно недопустимых неточностях и ошибках, начиная с перевода французских текстов. Так, об одном персонаже в документе было сказано "tranche de la tete" («ему отрубили голову»); в монографии это было переведено: «он очертя голову бросился в народное движение». Александра Дмитриевна заметила, что так обращаться с источниками можно только «очертя голову». С аналогичным докладом А.Д. Люблинская выступала в Москве, внеся только одно изменение: в Лениграде ей по-

15 Горфункель А.Х. Палеографический подвиг (Исследовательский стиль Владимира Райцеса) // Средние века. Вып. 67. М.: Наука, 2006. С. 200-215.

16 Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Изд. 2. М.; Л., 1936; Люблинская А.Д. Латинская палеография. М.: Высшая школа, 1969.

17 Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.: АН СССР, 1948.

казалось, что в книге Б.Ф. Поршнева есть добросовестно написанные страницы. Перечитывая её, она убедилась, что таких страниц в его работе нет¹⁸. Вскоре автор получил Сталинскую премию, после чего декан факультета К.М. Колобова заявила, что следует разобраться с кафедрой, где позволяют себе шельмовать лауреата.

А.Д. Люблинская была уволена из Отдела рукописей Публичной библиотеки, одновременно ушел «по собственному желанию» ее муж Владимир Сергеевич Люблинский, организатор и многолетний руководитель Отдела редких книг. Как теперь выяснилось из воспоминаний ее коллег, Аттестационная комиссия Исторического факультета подготовила проект приказа об увольнении из университета Александры Дмитриевны. При этом сыграли роль и ее «анкетные данные»: ее отцом был протоиерей кафедрального Исаакиевского собора о.Дмитрий Стефанович (в те времена подобная родословная была опасна), мужем – еврей, перешедший в православие *после* революции, в 1920-х гг. (как и подруга Александры Дмитриевны пианистка М.В. Юдина, крестившаяся в 1918 г. под влиянием М.М. Бахтина и Л.В. Пумпянского). А.Д. Люблинскую спасло вмешательство двух весьма уважаемых членов партии, византиниста М.В. Левченко и итальяниста В.И. Рутенбурга. Они, с немалым риском для себя, сумели объяснить Аттестационной комиссии, что она является незаменимым преподавателем кафедры, а ее «ошибки и заблуждения» не столь значительны¹⁹.

А.Д. Люблинская, несомненно, была марксистом. Ее цельная натура не допускала ни компромиссов, ни лицемерия (если не относить к ним ритуальные ссылки на труды Сталина). Я помню, как во время беседы со своими учениками в гостинице «Ривьера» в Зеленогорске весной 1950 г., она жаловалась на невозможность запомнить сотни раз читанный «Краткий курс истории ВКП (б)» (сотрудников кафедры заставляли изучать его в «Вечернем университете марксизма-ленинизма»). Ее критика Б.Ф. Поршнева (а затем Ф.Я. Полянского) были направлены именно против оглушения и искажения марксизма, которую как раз и игнорировали официальные толкователи. А.Д. Люблинская в своем марксизме была *не как все*, а как те немногие, кто видел и выявлял в марксизме его научную составляющую.

Курс историографии Средних веков читал О.Л. Вайнштейн. К тому времени я был знаком с его учебником еще до разгрома, которому он подвергся на антикосмополитической конференции. Осип Львович тоже был марксистом. На одном из заседаний кафедры в 1930-х гг. он разоблачал византиниста В.В. Бенешевича (в 1938 году тот был расстрелян). В «Историографии Средних веков» О.Л. Вайнштейн критиковал буржуазных историков (в иных случаях его замечания были основательны), но прежде всего он знал их исследования²⁰, чего никак не скажешь о появившихся после работах, где авторы обходились без утруждающего чтения, либо забывали о прочитанном в угоду официальной точки зрения²¹.

Мы занимались в семинаре Валентины Владимировны Штокмар, слушали ее курс о Тюдорской Англии. Вероятно, были и еще какие-то лекции, но они не оставили следа ни в памяти, ни в студенческих записях.

Зато тех, кого мы считали нашими учителями, мы узнавали не только в личном общении, но и в их поведении в очень сложной в те времена жизни Исторического факультета. Мне запомнился доклад М.А. Гуковского на научной сессии, посвященный Англии Висконти в связи с внешней политикой итальянских государств. В нем был рассмотрен брачный контракт, обнаруженный им среди рукописей

18 Гуревич А.Я. История историка. (М.: РОССПЭН, 2004, С. 26) выразил несогласие со столь решительным суждением; кажется, к своим оппонентам он относился менее благосклонно. На кафедре М.А. Гуковский тоже не принял сурового приговора книге Б.Ф.Поршнева. После этого в «капустнике» на вечере в мае 1949 г., посвященном 15-летию восстановления Исторического факультета, была поставлена сценка о защите диссертации, где студент, игравший всеми любимого профессора, громко заявил: «Труд гениальный! В нем ошибок масса! / В большом труде не может их не быть! / От сорока до ста я допускаю / Нелепейших и вздорных положений!».

19 Лебедева Г.Е., Якубский В.А. А.Д. Люблинская и кафедра истории Средних веков ЛГУ 1940-1950 – х годов. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г.Е. Лебедевой. Вып. 4;. СПб.: Алетейя, 2003, С.12.

20 Лебедева Г.Е., Якубский В.А. Профессор О.Л. Вайнштейн в годы борьбы с космополитизмом (из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ). // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г.Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб.: Алетейя, 2005. С.102-126.

21 Воробьева И.Г., Дворниченко А.Ю., Лебедева Г.Е. К 80-летию профессора В.А. Якубского. // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени Вып. 5. С. 10 – 14.

Эрмитажа²². Автору удалось проследить судьбу одной из дочерей правителя Милана Барнабо Висконти, которую тот, а затем и захвативший престол его брат использовали для заключения династических браков (как правило, затем расторгнутых), в сложной дипломатической игре для приобретения надежных союзников. Доклад показал отличное умение исследователя привлечь источники XIV – XVI вв., которые ранее не были учтены. В университетской газете автора упрекали в страшном грехе *мелкотемья*. Как раз в это время у М.А. Гуковского только что вышли в свет две монографии, были напечатаны статьи о природе Итальянского Возрождения. Впрочем, его доклад не был одобрен и коллегами по кафедре: А.Д. Люблинская, всегда интересовавшаяся темами из “большой” истории общества и государства, обычно не доходила в своих исследованиях до судеб конкретных людей (хотя, собирая у себя студентов, рассказывала им о приключениях авантюристов XVIII в.). Но отклики специалистов не имели ничего общего с официальными нападками на ученого, это был спор «среди своих» о разном подходе к истории. М.А. Гуковского всегда интересовали живые люди и их поведение в определенных обстоятельствах.

Вскоре состоялась защита кандидатской диссертации аспирантки М.А. Гуковского Елены Викторовны Бернадской, речь в ней шла о феррарской синьории. Председательствовал на Ученом совете Н.К. Корнатовский, незадолго за того сменивший на посту декана В.В.Мавродина. Ведущий оппонент, О.Л. Вайнштейн допустил неосторожность: говоря о стилистических погрешностях в диссертации, он привел неудачный оборот: там было сказано, что в фашистской Италии подвергался гонениям не только марксизм, «но и *другие* прогрессивные течения в науке». Бдительный слух нового декана уловил идеологический вызов. Лицо его налилось кровью от возмущения и злобы. Он немедленно приостановил защиту. Напрасно оппонент пытался объяснить, что речь идет только о не вполне удачном выражении. И тут, в общем замешательстве, выступил Матвей Александрович. Не опасаясь вошедшего в раж председателя Ученого совета, он твердо объяснил, что в представленном сочинении автор проявил себя сторонником марксистского понимания исторического процесса, а не использовал, как это часто бывает, притянутые к месту и не к месту цитаты из «классиков марксизма-ленинизма» в качестве гарнира. Это приравнивание «священных текстов» к понятиям кулинарного искусства вызвало веселую реакцию студентов и растерянность защитников идеологической чистоты. Все это произносилось уверенно, энергично и вместе с тем весело, с неподобающей серьезности момента иронией. Переломить доброжелательное отношение *ученой* части Ученого совета к представленной работе новому руководителю идеологической жизни факультета не удалось, и диссертация «прошла» очевидным большинством голосов (не помню, были ли там голоса «против», или декан смирился с волей участников заседания).

В те же годы развернулась кампания против А.Н. Веселовского, предшествующая разгрому «безродных космополитов». М.А. Гуковский выступил в собрании в защиту великого ученого, прежде всего как исследователя Возрождения; это был редкий случай такого открытого заявления своей позиции. Эти эпизоды на репутации Матвея Александровича в глазах тех, кто пришел к руководству Историческим факультетом, безусловно, отразились, как и его выступление на антикосмополитической конференции, где он ограничился обязательной в этом случае «самокритикой» и обещал исправить ошибки во втором томе книги об Итальянском Возрождении, но вопреки принятому в этой кампании обыкновению не обвинил никого из своих коллег.

М.А. Гуковский также воплощал для нас связь с традициями петербургской медиевистики, но более живую и духовную. Он хорошо знал Л.П. Карсавина (имя его редко упоминалось, но многие его работы мы знали), А.Л. Волынского и академика Н.П. Лихачева, много рассказывал нам о его коллекции исторических документов. Николай Петрович, используя полулегальные связи с итальянскими архивистами и прямой подкуп, пополнял своё собрание. Итальянское правительство приказало не выпускать его из страны с собранными им материалами. Этот запрет он обошел самым простым способом: выехал в вагоне третьего класса, где таможенникам, знавшим ученого как очень богатого человека, не пришло в голову его искать.

Уже на первые лекции М.А. Гуковский принес список тем для курсовых работ. Не помню всех сюжетов, но знаю, что одна из студенток старшего курса взяла тему об участнике Римской академии

22 Много лет спустя он был опубликован: Гуковский М.А. Англесия Висконти: Эпизод из истории внешней политики итальянских государств XIV – XV вв. // Итальянское Возрождение. Сб. статей. Л.: ЛГУ, 1966. С.21–46.

Помпонио Лето – запомнил я это только потому, что в течении долгого времени мне пришлось потом помогать ей переводить латинские тексты. К окончанию университета, неожиданно для нее самой, ради ее пролетарского происхождения, новый декан велел принять ее в аспирантуру, кафедре пришлось подчиниться. К счастью, все закончилось приемными экзаменами – после этого ее перевели на кафедру Истории СССР. В предложенном списке была тема и о флорентийской Платоновской академии; в первые студенческие годы я много читал сочинения Гераклита, Аристотеля и Платона (помню, как во время летних каникул мы с Волей Райцесом разбирались в трудных вопросах аристотелевой «Физики»), но на этот раз я убоился премудрости. И выбрал предметом своей курсовой работы «Восстание в Вольтерре».

В эти годы интерес к народным движениям и аграрной истории был характерен не только для советских, но и для зарубежных историков. Позднее я узнал, что студенты С.Д. Сказкина (Л.М. Брагина и Н.В. Ревякина) тоже занимались подобными проблемами, и лишь во второй половине 1950-х гг., перешли (как и я, и независимо от них) к изучению истории итальянского гуманизма и философии.

Работа захватила меня. Первый источник для истории этого выступления Вольтерры против Лоренцо Медичи в 1472 г. был указан М.А. Гуковским. Это была «История о бедствиях Вольтерры» гуманиста Антонио Ивани, напечатанная в XVIII в. великим Луиджи Анджело Муратори в XXIII томе его грандиозной серии текстов итальянской истории (“*Regum Italicarum Scriptores*”).

После трех лет занятий латынью (преподавателей было немало, но лучшим из них оказался Евгений Константинович Товстик; в свое время он преподавал в 3-й гимназии на Гагаринской ул., где в те годы учился М.А. Гуковский) – это был мой первый опыт чтения, перевода и истолкования латинского текста XV в. Не могу не вспомнить здесь и превосходную наставницу по итальянскому языку, Софью Борисовну Эстулину; уже к концу первого года обучения мы хорошо читали по-итальянски. Разговорной речи нас не учили, да и откуда в те времена было взять иностранцев (когда Валентин Алексеев, в 1948 г., прочитав в газете, издаваемой в советской зоне Германии, письмо немецкой студентки, написал ей, его вызвали в комитет ВЛКСМ, куда было доставлено письмо, и осудили за переписку с «фашисткой»).

Благодаря накопившемуся опыту работы с библиографическими справочниками, словарями, историческими исследованиями, относящимися к истории Вольтерры, я сумел отыскать множество других источников. Это были хроники, поэмы, посвященные знаменитому разграблению города нанятыми Флоренцией войсками (*Sacco di Volterra*), документы и сочинения историков XV – XVI вв. Они позволили разобраться в сложных обстоятельствах начала правления Лоренцо Великолепного. Очень помогли мне и художественные издания по истории и искусству этого небольшого города флорентийского контадо. Поездку в Италию в ту пору не могли представить себе даже профессора. Зато по планам города, по изображению его достопримечательностей я, получив их фотокопии в библиотеках, мог наглядно представить себе арену действия интересующих меня событий.

Работа по истории народного движения исходила из марксистского учения о классовой борьбе. Дело было не в цитатах – их было две, они не обосновывали мои выводы, а скорее вытекали из них (речь шла о социально-экономическом развитии Италии XV – XVI вв.). Я попытался разобраться в социальной структуре городского восстания. Помимо известных общественных групп: торгово-финансовой верхушки, граждан коммуны (ремесленников) и вытесненных из сельского хозяйства крестьян, населявших пригороды, я обнаружил в одном из источников термин “*mercenaria plebs*”, обозначающий наемных работников. Как мне представляется и теперь, попытка объяснить возникновение грабежа (*Sacco di Volterra*) сопротивлением жителей одного из предместий нашла обоснование в источниках. Доклад был прочитан на студенческом научном кружке, а работа рекомендована к печати М.А. Гуковским. Единственное, что меня вгоняет в краску и теперь, это выпады против буржуазной историографии в примечаниях к статье. Какие-то из них принадлежали мне, какие-то были привнесены издательским рецензентом этого тома профессором А.И. Молоком, развлекшим участников антикосмополитической конференции обличением О.Л. Вайнштейна, который в своей «Историографии» назвал один из параграфов «Расцвет» медиевистики в США». Оратор возмутился: о каком «расцвете», *хотя бы и в кавычках*, можно говорить в применении к американской науке. Рецензент ознакомился с рукописью сборника уже после ареста М.А. Гуковского и в своем отзыве обвинил меня в *буржуазном объективизме* (Николаев, 1)²³.

23 Здесь и далее при указании моих работ я буду ссылаться на библиографии: 1) Александр Хаимович Горфункель (к 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности: библиогр. ук. / Сост. Н.И. Николаев; отв. ред. В.А. Петрицкий. Л.: Секция

Во время моих занятий курсовой работой мы встречались с М.А. Гуковским в Публичной библиотеке, обсуждали проблемы, возникавшие при изучении источников. Однажды мы вместе вышли из библиотеки и Матвей Александрович предложил отвезти меня домой на машине (в те времена это была большая редкость; он только что приобрел ее на гонорар от книги). Я отказался, постеснявшись. Не знаю, был ли у него шофер, или он получил водительские права; по его складу я думаю, что это не составляло для него проблем. Знаю, по рассказам старших студентов, что в довоенные годы он разъезжал по Ленинграду на лошади (занимался в каком-то клубе).

Осенью 1948 г. следовало определить предмет моего будущего дипломного сочинения. Меня заинтересовали документы, хранящиеся в Отделе рукописей Ленинградского отделения Института истории. М.А. Гуковский предложил мне на выбор два комплекса, один был связан с дипломатической перепиской XVI в., второй касался истории аграрных отношений XV в. Некоторое время я сомневался и советовался с А.Д. Люблинской. Она спросила меня: «Саша, а вы любите дипломатию?» – я честно сказал, что на дух ее не переношу; возможно, под впечатлением от изданного в те годы трехтомника «История дипломатии». И мы остановили выбор на второй теме. На это решение повлиял, несомненно, прослушанный тогда курс А.Д. Люблинской об аграрной истории Франции. Выбор был одобрен М.А. Гуковским, он и привел меня в Отдел рукописей.

Источники, хранившиеся в коллекции Н.П. Лихачева, представляли собой две рукописи, заключенные в пергаменные обложки. Это были «минуты» – черновые записи актов, совершенных нотариусом Бальдо де Бальди в небольшом городке Коринальдо в Анконской марке. Документы охватывали значительный промежуток времени, с 1460 по 1480-й год. Всех актов там было около 1300. Их следовало внимательно прочитать и разобраться в их содержании, понять, как отражали они социальные отношения в городе и его округе.

Так я столкнулся с чтением итальянского готического курсива; до этого я имел дело лишь с воспроизведением некоторых фрагментов в таблицах, приложенных к учебникам палеографии. Работа началась во время зимних каникул 1949 г. Каждый день я шел в читальный зал Рукописного отдела БАН. Готический курсив – это была своего рода стенография Средних веков. Нотариус сэкономил не только время, свое и клиента, но и пергамен, на который приходилось тем же курсивом переносить белой текст контракта. Там не было ни одного слова, которое не было бы сокращено до двух-трех, в крайнем случае, четырех букв, с употреблением множества аббревиатур, подстрочных, надстрочных, поперечных и иных. Я с ужасом поглядывал на два тома нотариальных записей и не мог представить себе, как я справлюсь с предстоящей задачей. На чтение первого документа у меня ушло полных две недели. Зато, когда я пришел заниматься в начале третьей недели, работа сдвинулась с места самым неожиданным образом: в тот день я прочитал 14 актов. Все объяснялось просто: система сокращений была одна во всех нотариальных минутах, новые слова и сокращения если и встречались, то их расшифровка уже не представляла серьезных затруднений. Я все реже обращался к известным итальянским пособиям по чтению средневекового курсива. Их перечни были полезны, хотя далеко не всегда помогали: в почерке каждого нотариуса были свои местные особенности, зависящие к тому же и от состава заносимых в книгу актов. Но с каждым днем набирался опыт, известную роль играла и интуиция.

Документы отражали повседневную жизнь города и его округа. Это были акты продажи земли, аренды в различных формах, на эмфитевтическом праве (у крупных монастырей), за фиксированную плату, с последующей отработкой или на условиях испольщины; акты обмена земельных участков, долговые расписки, ссуды деньгами или зерном, передачи в аренду скота, за фиксированную плату или с отработкой, материалы, свидетельствующие о прямом использовании наемного труда, напоминающие о понятии “*mercenaria plebs*” в источниках о восстании в Вольтерре. В актах нет прямых указаний на размер земельных участков, однако, в них встречаются косвенные сведения (плата, получаемая продавцом). Кроме того там отмечены точные границы, которыми был окружен данный участок. По этим признакам можно было судить о размерах земельной собственности.

Таким образом, при полной обработке всего содержащегося в документах материала, в том числе и имен упоминаемых в них лиц, можно было значительно расширить круг наших сведений.

книги и графики Дома Ученых АН СССР, 1988; 2) Фролова И.И. К юбилею А.Х. Горфункеля, историка, библиографа, книговеда // Историко-библиографические исследования. Сб. научн. тр. Вып. 8. СПб.: РНБ, 2000. С. 149-157.

На карточки заносились все данные, которые могли бы помочь разобраться в аграрных отношениях в Коринальдо – имена контрагентов, упоминаемых в «минутах» Бальдо де Бальди, об их занятиях, имена их соседей, все условия контрактов. Сопоставление документов позволяло не только выявить тенденции социального развития одной из анконских коммун, но и проследить, как отражались они на человеческих судьбах.

Большую помощь оказали сведения о политической истории Коринальдо в книге ученого эрудита XVII в. аббата В.М. Чимарелли, а также статуты других аналогичных городов Анконской марки, изданные итальянскими историками-краеоведами во второй половине XIX в. Международный абонемент был в те времена крайне затруднен (бывшего директора Научной библиотеки ЛГУ О.Л. Вайнштейна обвиняли, в частности, в том, что он попытался в послевоенные годы наладить книгообмен с зарубежными библиотеками; зато его преемник отправлял в «спецхран» всю литературу, поступающую из-за рубежа, вплоть до логарифмических таблиц). К счастью, нужные мне книги обнаружались в фондах ГПБ.

В самый разгар работы над дипломным сочинением, когда все «минуты» Бальдо де Бальди были прочитаны и их содержание перенесено на карточки, летом 1949 г. был арестован мой научный руководитель М.А. Гуковский. Кафедра не оставила меня своим попечением. А.Д. Люблинская продолжала интересоваться ходом работы над дипломом; заведующий кафедрой О.Л. Вайнштейн и сменивший его М.В. Левченко не отозвали рекомендацию в «Ученые записки» курсовой работы. Осип Львович принял на себя научное руководство.

Во время защиты дипломной работы в качестве официального оппонента выступил сотрудник ЛОИИ Виктор Иванович Рутенбург. Отзыв (значительно преувеличивший достоинства моего сочинения) помогал мне перенести трудные дни после окончания университета. Результаты были позднее опубликованы А.Д. Люблинской в «Ученых записках» ЛГУ (Николаев, 2). В. Райцес, В. Алексеев и я были рекомендованы в аспирантуру.

Здесь место упомянуть моих близких друзей. Одновременно со мной Владимир Райцес начал работать над манускриптами в Рукописном отделе Ленинградского отделения Института Истории Академии наук. Возможно, под его влиянием и я обратился к архивным источникам. Валентин Алексеев изучал экономическую историю средневековой Чехии. Наше общение далеко выходило за академические рамки; мы пытались разобраться в хитросплетениях окружающей нас политической жизни (в ее понимании и оценке Валентин Алексеев всегда уходил дальше нас). Мы близко сошлись с Александром Николаевичем Немиловым. Он появился после демобилизации (пройдя всю войну с первого до последнего дня) на втором курсе; о его военном прошлом напоминала разве что армейская куртка. Поразил он нас тем, что в первый же день принес с собой тетради по латинскому языку, сохраненные его матушкой в годы блокады, пришел так, как будто бы и появился у нас прямо с первого курса. До войны он предполагал заниматься итальянским Возрождением. Однако директор Эрмитажа академик Иосиф Абгарович Орбели уговорил его обратиться к культуре Возрождения в Германии: Эрмитаж нуждался в хранителе собрания немецкого искусства.

Из студентов следующих курсов мы познакомились, а затем и подружились с Леонидом Тарасюком, будущим хранителем Эрмитажного арсенала, и с Владимиром Якубским, рано заинтересовавшимся социально-экономической историей Польши – оба они были участниками войны. Было на Историческом факультете немало и других добрых приятелей и друзей на разных курсах. Среди них моя коллега по кафедре Ирина Ивановна Синкина (Фролова), искусствовед Анатолий Шпаков (не будучи мобилизован в армию по малолетству он оказался в числе защитников своего города Запорожье, был ранен, и если бы не вмешательство врача, кажется, друга дома, который вынес его с поля боя, он бы погиб). Этот высокий красивый человек был страшно изувечен. Ногу заменил протез, вместо правой руки у него оставалась культя; приспособив к ней резинку, он брал карандаш и мог отлично писать и рисовать. Были среди наших знакомых искусствовед Борис Бернштейн, античница Ирина Свенцицкая, историки Гагик Саркисян, Карен Юзбашьян, Семен Косухкин (тогда студент Отделения журналистики Филологического факультета) и многие, многие другие – мы сохранили добрые отношения на долгие годы. Все эти студенческие связи опирались далеко не только на общность занятий, но прежде всего на душевное сродство, которое в свою очередь воздействовало и на наше общее развитие. Я уверен, что все они в той или иной мере влияли на мое человеческое и профессиональное формирование.

В начале четвертого курса я познакомился с Розой Коваль (студенткой второго курса искусствоведческого отделения), моей будущей женой.

Рекомендация в аспирантуру носила для меня формальный (поощрительный) характер: шла весна 1950 г. Я не собирался следовать примеру моего однокурсника, участника войны, члена партии, Сталинского стипендиата, еврея – он пошел сдавать экзамен и был провален сразу же по своей специальности (меня такой провал ожидал при экзамене по истории партии). К тому же незадолго до государственных экзаменов меня вызвала к себе декан Исторического факультета, профессор Ксения Михайловна Колобова. Она предупредила меня, что, поскольку в аспирантуру был рекомендован В.М. Алексеев (которого я считал тогда и продолжаю считать поныне самым достойным из историков нашего выпуска), а на кафедре есть только одно место, то мне лучше не подавать документы. Я полагаю, что К.М. Колобова, специалист по истории древнего мира, в прошлом ученица поэта-символиста и знатока античности Вяч.И. Иванова в университете в Баку, ни в какой мере не разделяла антисемитских предрассудков тогдашней власти. Но *noblesse*, т.е. карьера, *oblige*.

Через несколько дней кандидатуру В.М. Алексеева обсуждали на партийном бюро факультета; на вопрос одного из участников заседания, не возникнут ли сложности при поступлении, та же К.М. Колобова ответила: «На кафедре два места, кандидат один».

При подготовке к государственным экзаменам более всего нас беспокоил экзамен по истории партии.

Мы купили путевки в университетский дом отдыха и вооружившись множеством книг, прежде всего сочинениями «классиков марксизма-ленинизма» и протоколами партийных съездов, расположились на пляже Зеленогорска. Экзамен мы сдали благополучно.

На выпускной вечер нашего курса мы не пошли. Нам рассказали о торжественном выступлении декана: «Вы выходите на большую дорогу жизни», Воля Райцес тотчас откомментировал: «Только на большую дорогу и остается...».